

9027
B25

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

и. с. вдовин

ОЧЕРКИ
ЭТНИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
КОРЯКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград
1973

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы политической истории народов северо-востока Сибири, в том числе коряков, привлекали внимание ряда авторов и уже с достаточной полнотой рассмотрены в русской, особенно советской, литературе. Наиболее полно освещен период с середины XVII в. до наших дней. Проблемы же собственно этнической истории разрабатывались значительно меньше, а такие вопросы, как формирование и последовательное развитие определенных видов (типов) этнических общностей на различных этапах истории малых народностей Севера, вообще исследовались недостаточно.

В советское время, особенно за последние два десятилетия, проделана значительная работа по изучению коряков и в смежных областях. Так, имеются данные по антропологии территориальных подразделений (правда, не всех), проведено их сравнительное изучение; начато археологическое обследование Камчатки, Охотского побережья; исследуются диалекты корякского языка, проделана некоторая работа по собиранию и публикации корякского фольклора; ведутся работы по изучению истории и этнографии коряков, что получило соответствующее отражение в научной продукции этих лет. Таким образом, налицо необходимые основы для постановки и в какой-то мере для более обстоятельного освещения таких вопросов, как этническая история коряков, развитие этнических процессов в настоящее время.

Дробность языковых, культурно-бытовых особенностей подразделений коряков составляла специфику их этнического состояния ко времени установления Советской власти. Это наследие прошлого наложило свой отпечаток на ход и характер их этнического развития после Октябрьской социалистической революции и определило место, роль и значение в этом развитии их диалектов, национальных форм культуры.

Истоки некоторых сторон специфики современного этнического состояния коряков (например, наличие языковых особенностей территориальных подразделений) уходят своими корнями в глубокое прошлое. Поэтому нам представляется совершенно необходимым начать исследование с вопросов этнического состояния коряков в XVII—XIX вв., с тем чтобы правильнее понять современное их этническое развитие.

Коряки ныне — это социалистическая народность, частица той новой исторической общности, сформировавшейся в СССР, которую Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду назвал Советский народ. Это — народность, объединившая отличавшиеся в прошлом по языку, а также по некоторым культурно-бытовым особенностям территориальные подразделения, каждое из которых имело свое собственное самоназвание, определенную территорию обитания, самосознание своего этнического отличия от других коряков, признание этого отличия всеми остальными подразделениями коряков и др. Так, в представлении чукчей и чуванцев Прианадырья, еще в начале XX в. были коряки *вайкынэльо* (каменцы), *портыльо* (паренцы), *алутальо* (алюторцы) и т. д. По всей видимости, эти объединения коряков составляли племенные типы этнических общностей, консолидация которых в народность еще только начиналась. Они вплоть до наших дней сохраняют многие черты различий между собой и коряками-оленеводами.

Общепризнано деление коряков на следующие подразделения: коряки-оленеводы (чавчувины), алюторцы, апухинцы, карагинцы, паланцы, каменцы, паренцы, итканцы, коряки побережья Охотского моря. К корякам же относили кэрэков. Каждое из названных подразделений коряков отличается от остальных языком, что достаточно очевидно и более или менее изучено, кроме того, рядом культурных, хозяйственных и бытовых особенностей, которые пока или слабо или совсем не исследованы.

Языковая и отчасти культурно-бытовая пестрота коряков — результат их исторического развития. Вопрос о культурно-бытовых, языковых и других связях и отношениях отдельных подразделений коряков между собой, о путях развития этих отношений, их конкретном проявлении, в частности о судьбах диалектов, особенностях духовной культуры приобретает в современных условиях важное значение. Помимо научно-теоретического интереса, эти вопросы имеют научно-практическое значение, существование которого заключается в раскрытии состояния, выяснении тенденций развития национальных форм культуры, языков (диалектов и говоров). Поэтому изучение условий сложения, путей развития отдельных территориальных подразделений коряков представляется нужным и значимым.

Особый научно-теоретический и практический интерес представляют вопросы современной консолидации подразделений коряков, изучение степени влияния на эти процессы образования Национального округа, районов, общественно-политических и культурных мероприятий, проводимых в округе, развитие промышленности и ее влияние на этнические процессы в условиях Камчатки. Не менее актуальна задача выяснения взаимоотношений отдельных диалектов на современном этапе их развития, их роли в общественно-политической и культурной жизни коряков, в быту. И в этой связи установление роли и значения русского языка в современной их жизни.

Предлагаемая работа не претендует на полное и тем более исчерпывающее освещение всех вопросов, связанных с этнической историей коряков, даже с ее отдельными периодами, отдельными сторонами. Это обстоятельство и обусловило название работы: «Очерки». Оно вызвано тем, что по ряду ведущих проблем исследования мы не располагаем достаточными и надежными материалами. Так у нас нет пока почти никаких сведений о паренцах, их языке, фольклоре, антропологических данных о них. То же следует сказать относительно апухинцев. Почти полнейшей загадкой остаются кэрэки. В отношении коряков в целом можно сказать, что антропологическое исследование их еще не завершено, особенно кэрэков, апухинцев, алюторцев, карагинцев, паренцев. В археологическом отношении территории их обитания только начинает исследоваться, многое недостает и в изучении диалектов корякского языка в целом (грамматики, лексики, и в частности такого ее раздела, как топонимика). Все еще слабо остается изученным фольклор, особенно оседлых коряков.

Все это сужает источниковедческую базу исследования и дает возможность остановиться лишь на тех вопросах, которые с большей полнотой обеспечены необходимыми материалами.

Глава I

ТЕРРИОРИАЛЬНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ КОРЯКОВ

Коряки составляют одно из этнических подразделений так называемых северо-восточных палеоазиатов. К этой же этнической общности принято относить чукчей, а также ительменов.¹ Связующими признаками названной общности служат антропологические,² этнографические³ и языковые⁴ особенности северо-восточных палеоазиатов, отличающие их от других народов Сибири и Дальнего Востока.

Коряки в прошлом не имели общего самоназвания, на что обратил внимание еще Г. Ф. Миллер. «На Камчатке только название коряков не находит ни объяснения, ни достаточного обоснования. Самим корякам (о происхождении этого названия) ничего не известно. Кроме того, у них нет общего для обозначения всего коряцкого народа названия».⁵

С. П. Крашенинников считал их единственным народом. «Коряки разделяются на оленных и сидячих. Оленные называются чаучю, а сидячие — нымылыгу... А сидячие коряки не токмо (хотя тем же языком говорят), весьма от аленных в языке различают, но и между собою великую разность имеют».⁶

«Оленеводы и морские звероловы у чукч и коряков, — писал В. Г. Богораз, — составляют одно и то же общество. Они живо сознают свое племенное единство и даже в самоназвании противо-

¹ Генетически ительмены не принадлежат к северо-восточным палеоазиатам. См.: Вдовин И. С. К проблеме этногенеза ительменов. — Сов. этнография, 1970, № 3.

² Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. М., 1951, с. 108—120; Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958, с. 206—212.

³ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, с. 357—361, 448—467; Дитмар К. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах. — Вестн. РГО, 1855, ч. 15, кн. 6; 1856, ч. 16, кн. 1; Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. I. Л., 1934; ч. II. Л., 1939; Jochelson W. The Koryak, р. II. Leiden—N. Y., 1908.

⁴ Bogoras W. Chukchee. — Handbook of American Indian Languages, р. 2. Washington, 1922; Скорик П. Я. Палеоазиатские языки. — Языки народов СССР, т. V. Л., 1968.

⁵ Архив Ин-та этнографии АН СССР (далее — Архив ИЭ), к. I, оп. 1, д. 30 — Стеллер Г. Описание страны Камчатки, ее жителей, их нравов, наименований, образа жизни и различных обычаяев. Пер. с нем., 1774, с. 505.

⁶ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 726.

поставляют себя всем своим соседям в качестве «настоящих людей», которые говорят «настоящим языком» и имеют «настоящие лица».⁷ И далее: «Еще труднее допустить, что оленные коряки и приморские коряки представляют различные народности».⁸

В. Г. Богораз долгое время непосредственно соприкасался с чукчами и коряками, изучал их языки, культуру, психологию, общественное сознание. Он знал и понимал их лучше, чем кто-либо из его современников. Однако *лыгъоравэтьлан* (по-чукотски), *лигъуйамтавыльан* (по-корякски) — ‘настоящий человек’ — нельзя признать самоназваниями ни чукчей, ни коряков, как полагал В. Г. Богораз. Это одно из начальных, еще очень наивное в своей откровенной простоте выражение этнического самосознания.

В. И. Иохельсон в решении этого вопроса придерживался другого, правда не очень определенного, взгляда, основанного на данных корякского языка. «Сами коряки, — отмечал он, — не имеют общего самоназвания, если не считать слова *уйамтавэльян* — ‘народ’, ‘люди’. Этим термином именуют себя как оленные, так и приморские коряки, и он соответствует чукотскому *оравэтьлат* — ‘люди’.

Приморские коряки называют себя *намальян*, *нэмэльян* или *нымыльян* . . . смотря по различному произношению корякских наречий; так же называет их оленная ветвь их племени. Эти слова означают ‘жители селения’ и происходят от слова *nymnym* — ‘селение’. Приморские коряки называют себя также *nymnymkin* *уйамтавэльян* — ‘человек из селения’ или *анкальян* — ‘приморский житель’.⁹

Все эти наблюдения правильны. Однако вряд ли можно считать самоназванием, как допускал В. Иохельсон, слово *уйамтавыльян* — ‘человек’, как и чукотское *оравэтьлан*. Ни коряки, ни чукчи не считали данные слова самоназваниями. В их представлении эти слова отображали видовое понятие ‘человек вообще’, безотносительно к племенной или национальной принадлежности.

В другом месте той же работы В. Иохельсон высказывает уже более определенное мнение по этому вопросу. При этом он привлекает этнографические данные и сведения о самосознании коряков. «Предание о Великом Вороне, — писал он, — как общем родонаучнике порождает идею этнического единства. Правда, в сознании коряков представление это очень туманно и частные названия „оленный человек“, „приморский человек“, житель того или другого селения или стойбища — более свойственны ему, чем собирательный термин „коряк“, как член единого народа; однако при сопоставлении их с тунгусами и якутами коряки заявляли, что они, коряки, все одной крови, а тунгусы и якуты — чужие, с другой

⁷ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. I, с. XXII.

⁸ Там же.

⁹ Jochelson W. The Koryak, р. II, с. 428—429.

стороны, приморский коряк считает себя более близким, родным с приморским же, чем с оленными, и наоборот; этому разделению коряков на две группы способствует разница в системах хозяйства».¹⁰ Нельзя не согласиться с этим верным замечанием Иохельсона, в особенности об общей мифологии, одинаково известной и распространенной среди всех подразделений коряков.

К. Шавров обратил внимание на существовавшее у них представление об общности всех коряков и в то же время о разделении их. Он находил у них три названия: *чаучу* — 'оленеводы', *nymэльу* — 'оседлые', *nymэльу-рэмку* — 'оленеводы из оседлых'. «Кроме этих общих названий, обычно территориальные группы коряков, живущих в одном или нескольких селениях, называют себя по названию центрального селения. Коряков можно разделить на несколько крупных отделов, имеющих отличия один от другого в языке, от части в физическом типе и в экономике». Далее он выделил: апукско-пахачинско-хаилинскую (оседлые и кочевые) группу, алюторско-кичигинскую (оседлые и кочевые) и укинскую (обрусовшая и отчасти, вероятно, смешанная с ительменами). К ней он относил карагинцев.

«По берегам Пенжинского залива оседлые делятся на ветви: паренско-каменскую (от Итканы до Рекинник) и палансскую (от Подкагирной до Ваямполки). Кочевники же „чаучу“ от Тайгоноса и Палпала до р. Хайрюзовой . . . в общем представляют собой однородную группу».¹¹

С. Н. Стебницкий считал, что у коряков было три самоназвания: 1) *чавчу* — 'оленевод', 'богатый оленями' (принадлежащий к группе оленеводов); 2) *рамкыкэн* — 'кочевник' (из оседлых); 3) *nymыльо* — 'жители', 'поселяне' (ед. ч. *nymыльан*).¹² В 30-х годах в поисках общего национального самоназвания корякам пытались присвоить наименование *nymыльо*. Однако оно не было признано самими коряками. Они охотнее называли сами себя уже укрепившимся в их сознании словом коряки, которое в настоящее время воспринимается ими не только как название, но и как самоназвание. Это название вошло и в государственные акты Советского Союза: так, Корякский национальный округ, закреплено в Конституции Союза ССР.

Чукчи и сибирские эскимосы называли коряков *тенн'ым*. Этот термин имеет обобщенное значение, включающее в себя 'инонплеменник', 'враг', 'коряк', 'чуванец'.

Вместе с тем чукчи терминологически особо обозначали, когда требовалось такое уточнение, оседлых коряков и коряков-оленеводов. Кроме того, они различали их по месту жительства. Первых они называли *nymытвальым* — 'жители оседлых селений', а чаще

¹⁰ Там же, с. 17.

¹¹ Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927). Благовещенск, 1929, с. XLIII.

¹² Стебницкий С. Н. Нымыланский (корякский) язык. — Языки и письменность народов Севера, ч. III. М.—Л., 1934, с. 49.

по названию селений, вторых просто *тенн'ым*, *лыгтенн'ым* — настоящие *тенн'ым*.

Эвены также терминологически отличают коряков-оленеводов от коряков оседлых (по крайней мере эвены Охотского побережья). Оленеводов они называют *чан'чивар* — 'собравшиеся многооленевые', оседлых — *хэёкэл*, что дословно значит ' тот, кто показывается из-за бугра, возвышенности', подобно евражке.¹³ Возможно, что такая ассоциация была навеяна особенностями устройства жилища оседлых коряков, входом и выходом в которое служило дымовое отверстие полуземляной юрты. Юкагиры называли коряков *кэрэка*.¹⁴ Название коряки появилось в русских документах еще в XVII в. По всей видимости, оно было позаимствовано на северо-западе от юкагиров, которые, как отмечено выше, называли и называют их *кэрэка*, а на побережье Охотского моря, возможно, от эвенов, называющих оседлых коряков *хэёкэл*.

Еще Г. Миллер высказал предположение, что русские заимствовали это название — коряки — «от ламутов или живущих по югу сторону Пенжинского моря тунгусов».¹⁵

Название *хэёкэл*, *кэрэка* в русской адаптации превратилось в коряк. Предположение Г. В. Стеллера, с которым соглашается С. П. Крашенинников, о том, что название коряк «происходит от хора, олень»,¹⁶ вряд ли справедливо. Дело в том, что проводниками (*вожаками*) русских в их продвижении на восток были юкагиры. От них-то и получали русские землепроходцы информацию о народах, живущих к востоку и юго-востоку от мест обитания юкагиров.

Ю. Селиверстов, сообщая о своих походах, писал: «Был на море . . . и в то море впали реки многие — Чухча-река (Большая Чукчия, — И. В.), да Ковыма-река, а за Ковымою-рекою есть четыре реки, а от тех рек есть реки Нанандыра (Анадырь, — И. В.) да Чондон (Гижига, — И. В.). А люди по тем рекам живут многие, а языки разные — чухчи, ходынцы, коряки, няняули (анаулы, — И. В.) и иные роды есть, и языки многие».¹⁷ Когда писалась эта челобитная, на Анадыре, кроме С. Дежнева, не бывал еще никто из русских, а от С. Дежнева, который попал туда в 1648 г., известий еще не было. Совершенно очевидно, что эта информация была получена от юкагиров, с юкагирскими названиями рек и наро-

¹³ Эти сведения любезно сообщила автору К. А. Новикова, известный исследователь эвенского языка и фольклора.

¹⁴ Иохельсон В. И. 1) Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, ч. I. СПб., 1900, с. 125—126, 138—139; 2) The Koryak, р. II, с. 406.

¹⁵ Архив ИЭ, к. I, оп. 1, д. 30, с. 505.

¹⁶ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 360. С таким мнением о происхождении названия коряк от *коран'ы* — 'олень', соглашались многие авторы. См.: Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. I, с. 8; Народы Сибири. М.—Л., 1956, с. 950, и др.

¹⁷ О глобалин Н. Н. Восточно-сибирские полярные мореходы XVII в. — ЖМНП, 1903, май, с. 60.

дов, населявших их берега. Таким образом, первое упоминание о коряках появилось в русском документе несомненно со слов местных жителей — либо юкагиров, либо эвенов (ламутов).

Весьма важно подчеркнуть здесь также и то, что в представлении юкагиров и первых русских довольно четко разграничивалось определенное соотнесение названий коряки и чукчи. И те и другие, несмотря на языковую и культурную близость, обладали, видимо, такими этническими признаками, которые давали основания считать их (юкагирам) особыми народностями. Заслуживает также внимания и то, что языковые, культурные и хозяйствственные отличия территориальных подразделений коряков, которые жили на стыке с юкагирами и далеко за пределами их границ,¹⁸ не вызывали в представлениях и понятиях юкагиров необходимости рассматривать отличающиеся друг от друга группы коряков как особые народности. Они, вероятно, находили у них какие-то существенные признаки, которые объединяли эти группы коряков между собой как нечто единое, целое.

Таким образом, уже в XVII в. существовало довольно отчетливое представление о коряках как особой этнической группе, граничащей на северо-востоке с чукчами, на севере и северо-западе — с юкагирами и эвенами и на юге — с ительменами.

Подобно другим малым народностям Севера, особенно тем, которые вели оседлый образ жизни, коряки распадались на ряд территориальных подразделений, отличающихся друг от друга рядом антропологических, культурно-бытовых и языковых признаков, ощущимые следы которых сохраняются по настоящее время. Уже первые русские землепроходцы отмечали этническую пестроту коряков, на которую они указывали наряду с различиями в их хозяйственных занятиях. В XVII в. были известны как особые группы коряков пенжинские, алюторцы, оленные. Вот что, например, отметил в своих «скасках» Вл. Атласов: «А на Пенжине живут коряки пустобородые, лицом русоковаты, ростом средние, говорят своим особым языком... А юрты у них оленьи и рондужные... А за теми коряками живут иноземцы люторцы (алюторцы, — И. В.), язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные, подобны осяцким юртам... А по хребтам живут в Камчадальской земле оленные кэряки». ¹⁹ Вместе с различиями территориальных подразделений коряков В. Атласов сознавал и их единство, называя их всех коряками. Это же следует и из другого его сообщения: «А он, Владимир, по коряцкому и по камчадальному языку говорить ничего не знает». ²⁰ Следовательно, всех коряков он представлял как единый народ, с общим языком.

¹⁸ Юкагиры были проводниками В. Атласова на Камчатку, на пути следования туда они проходили через территории коряков — алюторцев, паланцев, каменцев, паренцев.

¹⁹ Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сб. арх. материалов. Л., 1935, с. 31.

Совершенно очевидно, что этническое дробление коряков — не есть явление недавнего прошлого. Своими корнями оно уходит в глубину веков их истории.

Дробление на малочисленные этнические подразделения присуще обществу, находящемуся на первобытнообщинном этапе своего развития. Оно порождение низкого уровня развития материального производства и соответственно неразвитости общественно-экономических связей и отношений.

Однако было бы неправильно сводить все причины формирования этнических особенностей, в частности у коряков, только к условиям материального производства. Немаловажную роль в этой стороне истории народа играли и взаимосвязи с другими (соседними) этнически и генетически отличными общностями.

Выявление основных этнических особенностей у существующих подразделений коряков и составляет содержание настоящей главы.

* * *

Уже первый исследователь Камчатки С. П. Крашенинников попытался на основе личных наблюдений и опросных данных дать характеристику известных ему подразделений коряков. В основу своих выводов он положил данные о языке. И это не случайно, так как сведения о языковых отличиях («наречиях») наиболее очевидно отражали существование обособленных подразделений коряков. Язык в данном случае оказался и наиболее доступным источником для уяснения и показа расхождений между группами коряков. «Главная разность сего народа от камчадалов, — писал С. П. Крашенинников, — состоит в языке, в котором по счислению господина Стеллера три диалекта. Первым диалектом, или коренным языком, говорят сидячие коряки у Пенжинского моря и оленные, и сей язык выговаривается мужественно и крепко. Другой диалект, который употребляется у алюторов, и от россиян вторым морским коряцким языком называется, весьма крепче помянутого. Третий чукоцкой,²¹ которой выговаривается легче, мягче и со свистом. Впрочем, между всеми диалектами такое сходство, что коряки, чукчи и алюторцы без труда друг друга разуметь могут. Но есть ли алюторский диалект почесть за особливой, то столько почти будет диалектов в коряцком языке, сколько острожков: ибо нет такого острожка, в котором бы не было против других

²¹ Упоминание здесь чукотского языка, по всей вероятности, ошибочно. Скорее всего это описка. Видимо, С. П. Крашенинников (и Стеллер, от которого он заимствовал эти сведения) имел в виду язык оленных коряков *чавчуа*, который в сравнении с алюторским действительно выговаривается «легче, мягче», чего никак нельзя сказать относительно чукотского. Отсутствие в языке оленных коряков звука *r* и придает ему мягкость. (Например, *яян'a* — 'яранга', *к'оян'a* — 'олень' и *яран'a*, *к'оран'a* — по-алюторски). Кроме того, автор вел речь о коряцком языке, диалектом (наречием) которого чукотский язык не считали ни Стеллер, ни Крашенинников.

знатной отмены; таким образом, укинской, карагинской, островной карагинской и чендонской (гижигинский, — И. В.) могут называться особливыми диалектами».²² В дополнение к своим языковым наблюдениям С. П. Крашенинников сообщает и некоторые другие. «Корякский народ, — писал он, — по разности жития разнствует и телесным видом. . . Есть же между ими разность и в рассуждении склонностей и обычаях». ²³ Таково первое и наиболее обоснованное указание о территориальных подразделениях коряков.

К. Дитмар выделил пять подразделений коряков, используя для своей градации в первую очередь языковые отличия. Корякский язык «разделяется на пять различных наречий, из которых каждое имеет свои особенности, так что их нельзя смешать, но в то же время эти особенности в разговоре не составляют существенного препятствия».²⁴ Из этих пяти наречий четыре употребляются оседлыми коряками, указывал он далее, а пятое «принадлежит кочевым».

Интересно в этом замечании то, что Дитмар подчеркнул существование не только отличий в наречиях коряков, но также обратил внимание на то, что языковые отличия не составляют существенного препятствия при общении коряков разных подразделений. Таким образом, он также считал коряков едиными.

К. Дитмар пошел дальше своих предшественников. Он установил и обозначил границы диалектов (наречий) оседлых коряков, указал названия населенных пунктов, в которых они распространены, количество носителей данного диалекта. Итак, по К. Дитмару, оседлые коряки составляли следующие территориальные группы:

1. **Каменцы и паренцы.** Восемь селений, расположенных по берегу Пенжинского залива между реками Паренью и Талловкой. Это селения Каменское, Леваты, Ярnochek, Ягача, Шестаково, Микино, Куэль, Парень. Всего «235 душ», по данным 1852 г.

2. **Паланцы.** Семь селений, расположенных по западному побережью Камчатки (с севера на юг): Подкаширное, Пусторецк, Лесная, Кинкиль, Палана, Кахтана и Ваямполка. По данным начала 1853 г., всего паланцев было «872 души».

3. **Укинцы.** Шесть населенных пунктов по восточному побережью Камчатки, расположенных с юга на север в таком порядке: Озерчое, Ука, Хайллюя, Ивашка, Дранка и Карага. В начале 1853 г. их числилось «413 душ обоего пола».

4. **Алюторцы.** Девять селений, также расположенных по восточному побережью Камчатки и за ее пределами далее на север. Это Кичига, Вынык, Тиличики, Култушное, Олюторское, Ветвей и на север от мыса Олюторского Пахача, Апуга и Катыргинск (очевидно, Хатырка). Количество алюторцев не сообщает.

5. **Олениные коряки,** которых насчитывалось свыше 2750 чел., кочевали в пределах Петропавловского и Гижинского округов.

Как видим, К. Дитмар весьма близко подошел к той классификации коряков по языку, которая сложилась позднее. Однако им был допущен ряд неточностей, вызванных отсутствием научных данных. Так, например, на Хатырке коряки-алюторцы не жили, это уже места обитания кэрэков. Не было оснований относить к алюторцам и апукинцев, которые говорят на особом диалекте, более близком к диалекту оленеводов.

Деление коряков на языковые группы, предложенное К. Дитмаром, просуществовало до XX в., когда было положено начало специальному изучению языка и этнографии коряков. Эти исследования дали материал для другой их классификации. В этой связи прежде всего нужно отметить изыскания В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона. В. Г. Богораз занимался изучением главным образом языка коряков, В. И. Иохельсон — этнографией. Они предложили каждый свой деление коряков, основанное опять-таки на языковых признаках.

В. Г. Богораз посетил почти все подразделения коряков, производил записи текстов, выявляя черты сходства и отличия. Он считал возможным сгруппировать все разнообразие диалектов корякского языка в две территориальные группы: западную и восточную. Западная группа включала прибрежные поселки побережья Пенжинской губы Охотского моря и оленеводов, кочующих в окрестностях рек, впадающих в Тихий океан. К ним принадлежат, например, поселки Хаилино, Чимитка, Верхняя Похача. В восточную группу входили все коряки побережья Камчатки и корякские поселки на Тихоокеанском берегу, главным образом расположенные вокруг Олюторского залива.²⁵

Вместе с тем В. Г. Богораз выделил следующие языковые (диалектные) подразделения коряков: каменский, паренский, лесновский (т. е. паланский), карагинский, алюторский. Кэрэнский он склонен был рассматривать как особый диалект.²⁶

В. Иохельсон полагал, что корякский язык следует делить на четыре основных наречия: 1) коряков северной Камчатки; 2) оленных и жителей селений Каменское и Парень; 3) алюторских коряков и 4) кэрэков. При этом он тут же отметил, что каждая группа оленных коряков и почти каждое селение приморских имеют свои провинциализмы с некоторыми небольшими различиями в фонетике и лексике.²⁷ Это, конечно, так, но все же деление на основные «наречия» корякского языка сделано весьма неясно и не-

²² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 460.

²³ Там же, с. 449.

²⁴ Дитмар К. О коряках..., с. 56.

²⁵ Bogoras W. 1) Koryak texts. — Publications of the American Ethnological Society, vol. V. Leiden — N. Y., 1917, c. 2—3; 2) The Chukchee. — Handbook of American Indian Languages, p. 2. Washington, 1922, c. 640.

²⁶ «Наречие кереков, маленькой северо-восточной группы, надо поставить особо» (Богораз-Тан В. Г. Паланцы и укинцы. — Этнография, 1928, № 1, с. 118).

²⁷ Jochelson W. The Koryak, p. II, с. 428—429.

определенно. Что значит «коряки северной Камчатки»? Во всяком случае в этой части изучения коряков В. Иохельсоном было сделано меньше, чем К. Дитмаром. Исследования Б. Г. Богораза оказались значительно глубже: он определил основные языковые различия разных территориальных групп коряков; его выводы и материалы легли в основу диалектологии корякского языка.

Выяснению вопроса о том, какие существуют территориальные подразделения коряков, много внимания уделялось в советское время (30-е годы) в связи с подготовкой и созданием письменности на корякском языке.

С. Н. Стебницкий, специально занимавшийся изучением языка и диалектов, а также этнографией коряков, в 1934 г. насчитал 9 таких подразделений. Помимо коряков оленеводов (*чавчува*), представляющих единую группу и имеющих особый диалект, оседлые коряки (*нымыль*) «распадаются на несколько групп, существенно отличающихся друг от друга экономически, и особенно в языковом отношении. Прежде всего резко различаются диалекты оседлых нымыланов северной и южной части Корякского национального округа».²⁸

К северной группе он относил четыре диалекта: паренский (с. Парень), итканский (с. Иткан), каменский (селения Каменское, Микино, Таловка и др.) и апукинский (Апуга, Пахача, Ватынь). В южной группе диалектов он также насчитывал четыре диалекта: паланский (селения Палана, Кинкиль, Лесная), укинский (Ука, Ивашка), карагинский (Карага, Дранка), алюторский (от с. Тымлат на юге до с. Олюторское в бухте Корфа).

Такое деление С. Н. Стебницкий считал предварительным, полагая, что окончательное решение этого вопроса потребует дополнительного изучения. Однако уже тогда он утверждал, что чавчувенский (диалект оленных коряков), алюторский и каменский «бессспорно являются диалектами». Что касается других диалектов, «то, возможно, что при дальнейшем изучении языка часть из них придется отнести к говорам».²⁹ Тут же он высказал мнение, что язык кэрэков следует считать особым диалектом корякского языка.

В 1937 г. С. Н. Стебницкий пересмотрел свои взгляды на деление корякского языка. При этом отметил, что отличительным признаком того или иного подразделения коряков служит не только диалект. «Каждое подразделение нымыланов (коряков, — И. В.), говорящее на том или ином диалекте, кроме языковых особенностей, довольно резко выделяется из среды остальных по способам хозяйства. Можно отметить ряд отличительных черт в области социальных традиций, верований того или иного подразделения».³⁰

Как видно, С. Н. Стебницкий учитывал теперь не только языковые, но и культурно-хозяйственные особенности подразделений коряков. При этом он выделил только восемь диалектных подразделений, носители которых чем-то отличались друг от друга в культуре, в хозяйственных занятиях. Вместе с тем он определил численный состав каждого подразделения с указанием его расселения.

1. **Итканцы** — на западе Пенжинского района (восточное побережье п-ова Тайганос) с. Иткан (Этканон) Верхняя, Средняя, Нижняя, около 100 чел.

2. **Паренцы** — с. Парень (*Пойтыл*) на восточном побережье п-ова Тайганос, около 150 чел.

3. **Каменцы** — «многочисленная и своеобразная в экономическом, этнографическом и лингвистическом отношениях группа нымыланов, занимает большую часть побережья Пенжинской губы от с. Микино на севере до с. Мамеч на юге; основной поселок — Каменское (*Вайкынан*) на устье р. Пенжины (Пенжинский район)». Их 700—750 чел.

4. **Апукинцы** — небольшая группа оседлых коряков, расселившихся в бассейне р. Апухи и по побережью Олюторского залива (северная часть Олюторского района), основной поселок *Апоккагырн'ын* (устье Апухи). Их было около 200 чел.

5. **Алюторцы** — самая значительная по численности группа коряков. В 1937 г. «не менее 55—60% алюторцев были кочевники-оленеводы». Алюторцы занимали побережье бухты Корфа (Олюторский район) и далее на юг до с. Тымлат в северной части Карагинского района. Кочевые алюторцы по долине р. Анапки заходили в пределы Пенжинского и Тигильского районов вплоть до селений Рекинники и Подкагирное. Их 1800—2000 чел.

6. **Карагинцы** — небольшая группа, близкородственная алюторцам, занимали побережье пролива Литке, селения Карага (*К'аран'ынын*), Дранка, Ивашка (*Миваннын*), Карагинский район. Их около 300 чел.

7. **Паланцы** — поселки: Лесная (*Вэемлен*), Кинкиль (*Кинкилатун*), Палана (*К'ычъэт*), Кахтана (*К'актынан*), Ваямполка (*Ваямылк'ан*) в северной части Тигильского района. Их около 450—500 чел.

8. **Чавчувины** — оленные коряки кочевали «в глубине каждого из 4 районов округа». Их численность 3500—3700 чел.³¹

В данное распределение коряков по группам С. Н. Стебницкий не включил укинцев (жителей с. Ука), а жителей с. Ивашка, ранее относимых им к укинцам, причислял к карагинцам. Язык коряков в этой работе С. Н. Стебницкий уже не упоминает совсем. Однако в неопубликованной, но подготовленной для печати статье «Апукинский диалект корякского языка» (1941) С. Н. Стебницкий считал нужным отметить, ссылаясь на статью Н. Б. Шна-

²⁸ Стебницкий С. Н. Нымыланский (корякский) язык, ч. III, с. 49.

²⁹ Там же.

³⁰ Стебницкий С. Н. Основные фонетические различия диалектов нымыланского (корякского) языка. — В кн.: Памяти В. Г. Богораза (1865—1936). М.—Л., 1937, с. 286.

³¹ Там же, с. 289—290.

кенбурга «Нымыланы-кэрэки», что к восьми группам коряков, перечисленных им в работе «Основные фонетические различия диалектов нымыланского (корякского) языка», следует «прибавить девятую — кэрэков».³²

Этой же классификации диалектов корякского языка придерживался С. Н. Стебницкий и в последней своей работе, появившейся в 1941 г.³³ Группировка территориальных и языковых подразделений коряков, данная С. Н. Стебницким, легла в основу всех последующих работ, в которых касались этого вопроса, в частности, этнографы.³⁴

Несколько иную классификацию подразделений коряков дал П. Я. Скорик в 50-х годах. Совершенно справедливо подчеркивая, что диалектный состав языков северо-восточных палеоазиатов «исследован все еще далеко не достаточно», он тем не менее считал необходимым «уточнить существующую классификацию и прежде всего пересмотреть вопрос о диалектном составе корякского языка».³⁵

В результате сопоставления известных фонетических и морфологических отличий диалектов корякского языка, а также некоторых элементов их лексики П. Я. Скорик приходит к решительному выводу о том, что существует не один корякский язык, а два. Собственно корякский, состоящий из 5 диалектов: чавчувенского, апукинского, каменского, паренского и итканского, и алюторский язык с диалектами: алюторским, карагинским и паланским.³⁶ Если следовать логике П. Я. Скорика, то нужно признать и наличие двух особых народов: корякского и алюторского. На самом деле имеются два народа с двумя разными языками, или это не так?

П. Я. Скорик не исследует этнической истории коряков, истории сложения и развития диалектов корякского языка, того общего, что связывает всех коряков. Он ищет только различия в языке. Чего же больше между алюторцами и чавчувенами — отличий или общих черт? Так ли существенны и значительны имеющиеся различия, чтобы можно было говорить об особом алюторском языке и народе? Обратимся к некоторым фактам.

Общего и единого в фонетике, морфологии и лексике этих диалектов во много раз больше, чем отличий. И это обстоятельство осознается всеми коряками. Между чавчувенским и алюторским диалектами меньше отличий, чем между литературным русским языком и колымским наречием. Однако никто из исследователей не решился выделить колымское наречие в особый колымский

язык. Никаких убедительных научно обоснованных данных для выделения алюторского языка П. Я. Скорик не дал. Имеющиеся лексические, фонетические и морфологические особенности никогда не служили и не служат препятствием для языкового общения алюторцев с представителями разных подразделений коряков. Неосновательность таких выводов, видимо, признают теперь и сам П. Я. Скорик, редактор сборника, и составитель статьи «Алюторский язык» А. Н. Жукова.³⁷ В тезисах докладов «Склонение в палеоазиатских и самодийских языках» (Л., 1970, редактор П. Я. Скорик), тезисы доклада А. Н. Жуковой называются: «О склонении существительных в паланском, карагинском, алюторском диалектах корякского языка». Очевидно, и автор тезисов, и редактор возвратились к ранее существовавшей точке зрения. К этому следует добавить следующее, на наш взгляд существенное, дополнение.

В 1930 г. в связи с созданием Корякского национального округа учитывались пожелания коряков. Тогда было общепризнано, что существует единая корякская народность и поэтому в состав Корякского национального округа вошли все подразделения коряков, а также алюторцы, паланцы и карагинцы. Это не вызвало ни у кого никаких сомнений, и в том числе со стороны алюторцев и других коряков. Подтверждением признания единства корякского народа явилась Конституция СССР (1936 г.), проект которой всесторонне обсуждался, а также существование по настоящее время национального округа в тех границах, которые были установлены еще в 1930 г. с небольшими изменениями на стыке с Магаданской областью, внесенные в 1953 г. Как известно, никаких возражений со стороны алюторцев, паланцев и карагинцев о включении их в состав Корякского национального округа не было и нет. Как видно, нельзя не считаться с этническим сознанием самих коряков, с их историей, с языковой практикой, с многовековыми традициями.

Итак, нет оснований выделять особый алюторский язык. Наиболее обоснованным, а отсюда и наиболее убедительным представляется деление корякских диалектов на две ветви: чавчувенскую (северо-западную) и алюторскую (юго-восточную), предложенное В. Г. Богоразом, а затем уточненное С. Н. Стебницким.

Не вдаваясь в специальное исследование деталей языковых отличий диалектов корякского языка, отметим, что эти вопросы уже достаточно (для целей нашего исследования) освещены в соответствующей литературе. Довольно подробно они изучены в области фонетики, морфологии и отчасти лексики С. Н. Стебницким.³⁸

³² Архив ИЭ, к. II, оп. 1, д. 222, с. 3.

³³ Стебницкий С. Н. Из истории падежных суффиксов в корякском и чукотском языках. Л., 1941.

³⁴ См.: Народы Сибири, с. 950.

³⁵ Скорик П. Я. К вопросу о классификации чукотско-камчатских языков. — Вопросы языкоznания, 1958, № 1, с. 29.

³⁶ Там же, с. 35.

³⁷ Языки народов СССР, т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и налеоазиатские языки. Л., 1968, с. 294—309.

³⁸ Кроме указанных, см. также: Стебницкий С. Н. 1) Алюторский диалект нымыланского (корякского) языка. — Сов. Север, 1938, № 1; 2) Нымыланы-карагинцы по материалам С. П. Крашенинникова — Сов. Север, 1939, № 2.

Оглавление

	Стр.
Введение	3
Глава I. Территориальные подразделения коряков	6
Глава II. Коряки-карагинцы	18
Глава III. Коряки-алюторцы	51
Глава IV. Коряки-апукинцы	98
Глава V. Коряки-паланцы	111
Глава VI. Оседлые коряки побережья Пенжинской губы	139
Глава VII. Коряки северо-западного побережья Охотского моря	172
Глава VIII. Коряки-оленеводы	214
Глава IX. Влияние на этническое формирование коряков связей с соседними народами	234
Глава X. Этническое развитие коряков в Советское время . . .	280
Принятые сокращения	294